

ПИСЬМА ОТЦА К СЫНУ

ПИСЬМО ПЕРВОЕ

Милый мой Ваничка!⁵⁵

Благодарю тебя за письмо, за доверие и откровенность, с которыми ты обратился ко мне; мне приятно видеть их в тебе, особенно в настоящее время, когда дети так скоро забывают своих родителей и теряют к ним всякое уважение. Из настоящего же моего письма ты увидишь, что и отец может пригодиться тебе и помочь тебе своими советами. Ты прислал мне несколько своих статей о разных предметах и спрашиваешь меня, можно ли их напечатать, стоят ли они того. Мне очень приятно сообщить тебе мое откровенное мнение об них; надеюсь, ты вполне оценишь беспристрастие и искренность моего мнения, иначе ты бы и не обратился ко мне. В одной статье ты занимаешься опровержением модного философского учения, которое называется материализмом. Ты не поверишь, как я рад тому, что ты не заразился ядом этого учения, которым пропитана большая часть современной молодежи; особенно приятно моему родительскому сердцу то, что ты, несмотря на твою скромность, смело выступаешь на борьбу с этим учением. Ты знаешь, я сам не люблю этого учения и потому от души желаю тебе успеха в твоих

280

опровержениях. В видах этого успеха я и решаюсь сделать несколько подробных замечаний на твое опровержение указанного учения. Прямо скажу тебе, что оно не слишком глубоко задевает опровергаемый предмет и потому едва ли достигнет своей цели; хотя нужно правду сказать, перо у

тебя очень бойкое, а слог положительно красноречив, и если у тебя со временем разовьются мыслительные способности и качества твоих мыслей будут соответствовать качествам твоего пера, то ты сделаешься замечательным писателем, и я вправе буду гордиться тобой. Я читал твою статью твоей мамаше; она плакала от умиления, слушая ее; особенно тронуло ее то место, где ты отстаиваешь начала верований. Несколько раз с восторгом она повторяла, что твою статью следует напечатать золотыми буквами. Но ты знаешь, что материнское сердце всегда пристрастно к сыну; я же, после холодного беспристрастного размышления, нахожу, что печатать твою статью ты погоди. Уж если опровергать противника, так нужно его пробрать хорошенько, поразить его так, чтобы он или совсем не встал, или не скоро оправился после поражения; а иначе, брат, наши противники только посмеются над нами. Ведь ты, конечно, читал рекомендованные мною тебе статьи Хомякова и Самарина⁵⁶, в которых они опровергают твоих же противников; видишь, и такие умные люди, как они, не умели хорошенько справиться с делом, начали его и не кончили, взялись опровергать и не опровергли. Тебе следовало идти дальше, довершить начатое ими; сколько же нужно было тебе осмотрительности и основательности; а твоя—то, брат, статья оказывается даже слабее ихних. Ты берешь одну сторону учения твоих противников — практическую, конечно важную, но все—таки одну; ты взялся доказать, что материализм и общественная свобода два начала несовместимые и противоположные. Ты говоришь: «Все благородные движения человеческой природы несовместны с учением материалистов, обоготворившим материю и, следовательно, вещественную, материальную силу»⁵⁷. Положение верное, я с тобою согласен, но чем же ты докажешь его?

«Отнимите у людей, говоришь ты, нравственное отношение друг к другу, и как бы вы ни хлопотали о механическом равновесии эгоизмов и частных польз, вы никогда не утвердите этого равновесия, потому что у вас не останется другой точки опоры, другого мерил и критериума для оценки вреда и пользы, кроме «ощущения» и взаимного столкновения ощущений. А так как ощущение зависит от расположения мозговых шариков, мускулов и нерв, то, стало быть, на этой—то физической основе ощущений построено у материалистов все здание человеческой свободы! Она не есть нравственное право, а есть продукт взаимного материального самоограничения, чего—то вроде физического трения ощущений друг о друга, в разных человеческих организмах; поэтому каждое ощущение может проявляться и действовать свободно — пока чужое ощущение не заставит его войти в свои пределы. На этом основании права каждая материальная сила, покуда она сила и не пересилена другою силою. Очевидно (ну, не знаю!), что те, которым материализм вошел в плоть и кровь, обманывают себя и других, когда толкуют об общественной и политической свободе; в сущности им дела нет и не должно быть дела до чужой свободы, а они добиваются только одного — чтобы на место гнетущей их материальной силы поставить такую же грубую силу собственных материальных

ощущений». Ну скажи, Ваничка, откровенно мне, как отцу, ужели ты понимаешь, что ты это такое написал? Какая связь между этими твоими словами об ощущениях и о свободе? Ведь очевидно ты сам не понимаешь, что значит у

тебя «продукт взаимного материального самоограничения», «сила ощущений, и трение их в разных организмах, ощущение, входящее в свои пределы» и т. д.; и действительно, все это фразы, не имеющие смысла. Но согласишься же сам, мой дружок, ужели можно опровергнуть противника бессмысленными тирадами? ведь нет? То-то же и есть, глупенький ты мой! Вырази коротко и ясно твое доказательство, и ты сам увидишь его нелепость. «У материалистов здание свободы построено на физической основе ощущений», следовательно, заключаешь ты, они враги свободы, потому что на место грубой гнетущей их силы они ставят силу своих собственных материальных ощущений. Понимаешь теперь, что твое доказательство просто пуф, и я не хочу, чтобы ты скомпрометировал себя этим доказательством. Грубая сила совсем не то, что сила ощущений, даже материальных; грубой силой можно угнетать, а ощущениями угнетать нельзя, если только ты понимаешь, что значит на философском языке ощущение. На ощущениях может быть основана свобода так же хорошо, как и на тех основаниях, какие ты придумаешь, если только придумаешь. Привязавшись к твоим словам, противник скажет тебе: да, я принимаю за основание свободы мозговые шарики; эти шарики, при известных действиях на них, производят известные продукты или явления, т. е. ощущения; если человек уважает ощущения в себе, то он должен уважать их и в других; он не может насильственно уничтожить мозговых шариков в своих ближних, стало быть, не должен насиловать в них и производимых шариками ощущений; вот тебе и основание для свободы. «Последовательные материалисты, говоришь ты, если только последовательность возможна, должны в развитии своем непременно испытывать сочувствие со всеми грубыми материальными силами, действующими в политической жизни обществ, и составить со временем

отличный материал для полицейского контингента всякой деспотической власти». Ну уж, брат, тут ты очевидно фантазируешь; с какой же стати твои противники должны сочувствовать *всем* грубым силам? Твоя правда, наши противники по какому-то ослеплению все действующие силы в мире называют материальными; но они также признают и различие между разного рода материальными силами — это я знаю наверное, потому что и сам когда-то хотел заняться опровержением материалистов; одни силы они называют материальными и грубыми, а другие — тоже материальными, но не грубыми; к тому и другому порядку сил они относятся различно и с неодинаковым сочувствием. Розги и палки они считают грубой материальной силой, а ощущения и происходящие из ощущений представления, понятия они также считают материальной силой, но уж не грубой и заслуживающей гораздо большего уважения, чем первая. Когда ты был ребенком, я хотел ввести в систему твоего воспитания розги — каюсь тебе в этом; и кто же меня отговорил от этого, как ты думаешь? материалист, ей-богу, правда. Я тогда же упрекал его в непоследовательности; но он сказал мне, что розга не относится к тому порядку сил, который я хочу развить в тебе воспитанием, и она ничего не сделает для твоего развития. Итак, мой дружок, ты напрасно

навязываешь твоим противникам последовательность, вследствие которой они будто бы должны «испытывать сочувствие со всеми грубыми материальными силами». Ведь и тебе противники могут навязать такую же последовательность; они скажут: по понятиям идеалистов, все силы, действующие в мире, происходят от высшей

идеальной силы, самые грубые силы проистекли из идеальной; идеалисты обоготворили идеальную силу; следовательно, они необходимо должны испытывать сочувствие со всеми грубыми материальными силами, происходящими от силы идеальной, и могут составить контингент и т. д. Видишь, и твои противники так же правы, как и ты; нет, брат, брось ты это навязывание последовательности, иначе оно обрушится на твою же голову. К несчастью, между нашим братом, идеалистами, есть такие, которые стараются внушать уважение к грубой материальной силе именно посредством того аргумента, который я выше вложил в уста нашим противникам; ты, чай, сам слышал, как часто говорят идеалисты: уважай грубую силу, повинуйся ей, потому что она происходит от силы идеальной. Ну что, если твои противники подслушают такие речи и скажут, что они последовательно вытекают из твоего учения; что ты им ответишь? Конечно, откажешься от такой последовательности; то же сделают и они с твоею последовательностью. Вообще, Ваничка, твоя точка зрения на учение твоих противников неосновательна. Ты не можешь понять, каким образом люди, признающие существенно тождественными все силы, могут относиться к ним различно, одну из них уважать, а другую нет; тебе даже кажется это невозможностью или непоследовательностью. А между тем это вещь понятная, возможная и последовательная. Я докажу тебе это примером. Помнишь, как, бывало, мамаша утешала тебя и Катю во время постов, которые вы строго соблюдали; она говорила вам, когда вы просили, чтобы вам дали покушать молока: погодите, деточки, пройдет пост, придет праздник, тогда молоко сойдет с неба, вы и будете его есть. Наступал праздник, Катя с удовольствием ела молоко, воображая, что оно действительно пришло с неба; ты ел его с неменьшим удовольствием, хотя и знал,

что молоко не с неба упало, а принесено Матреной со скотного двора; ты даже говорил об этом происхождении молока Кате, и помнишь, как она сердилась на тебя. «На скотном дворе, лепетала она тебе, все грязь, да навоз, там так гадко, так дурно пахнет, и если оттуда молоко, так зачем ты ешь его, поди прочь, гадкий, на скотный двор». Тебя ведь не смущали такие возражения и ты ел же молоко. Теперь из химии и физиологии ты узнал⁵⁸, что молоко действительно происходит из грязи и навоза, травка сосет навоз, корова щиплет травку, из травки образуется в ней молоко. Видишь, навоз и молоко в сущности одно и то же. Если бы ты представил это объяснение Кате и если бы она в виде возражения сказала тебе, что ты ставишь наряду навоз и молоко, испытываешь сочувствие с тем и другим и потому вместо молока должен есть навоз, — то ты, конечно, назвал бы ее глупенькой и не стал бы толковать с нею. А между тем твои возражения материалистам совершенно походят на возражения Кати. Навоз — это грубая материальная сила, на прим. розги, палка; молоко — это высшая материальная сила, ощущения, представления и понятия; твои противники говорят, что эти две силы в сущности одно и то же, как навоз и молоко. В виде возражения ты говоришь им:

283

«Вы испытываете сочувствие со всеми грубыми силами, ставите наравне розги и понятия и потому заставляете людей вместо понятий (молоко) употреблять розги и палки (навоз)». Вот почему и я, с своей стороны, называю тебя глупеньким; и ты, надеюсь, не будешь на меня в претензии за это. Ты вот что сделай, докажи, что силы, действующие

в мире, бесконечно различны между собою, что материальные силы до того различны от духовных, что не имеют ничего общего между собою даже по сущности, что они проистекают из двух разных источников, происходят от двух различных начал. Все свое внимание устремил на этот пункт, и если ты докажешь его, тогда тебе не будет надобности прибегать к этим ненадежным практическим выводам, из которых состоит твоя статья, и к этому навязыванию последовательности, столь опасной для твоего учения. А за тем прощай; да смотри, не сердись на мои может быть резкие замечания; помни, что их делает любящий тебя твой отец С.

P. S. Мамаша целует тебя и посылает свое родительское благословение «моему умнику», как она называет тебя.

ПИСЬМО ВТОРОЕ

Милый мой Ваничка!

Вот ты, брат, каков у меня! не соглашаешься с моими замечаниями и не отступаешь от своих доказательств против материализма — это делает честь твоей стойкости, но не уму. Ты говоришь, что я слишком требователен, что нельзя же придумать доказательства несокрушимого, что люди невзыскательные поверят и твоим доказательствам и подумают, что ты разбил наголову твоих противников. Может быть, может быть; не спорю; но ты все-таки отложил в сторону твою философскую полемику и занимаешься теперь другими предметами; это делает честь и твоему уму. Ты прислал мне свою новую статью и просишь моего откровенного мнения об ней; это опять делает честь тебе, но вместе с тем и мне. Я, право, не знаю, в каком смысле нужно понимать твою статью, в шуточном

или серьезном. Если в шуточном, то шутка, брат, у тебя вышла злая, и мысли, изложенные в твоей статье, выходят очень юмористичны; если же в серьезном, то я опять назову тебя глупеньким ребенком, как ты хочешь. В твоей статье ты доказываешь положение, что должно обрусить все, что соприкасается с русскими.⁵⁹ Положение очень верное, и я против него ни слова; но мне кажутся странными представляемые тобою мотивы и средства обрусиванья. Ты говоришь, германцы германизируют, пруссаки прусачат все смежное с ними; отчего же и нам не обрусить того, что попало в наши руки? «Отчего, спрашиваешь ты, мы не обрусии западный край? Отчего мы не обрусии Остзейских провинций?» А тебе хочется этого, спрошу я тебя? Почему же хочется? Да так все желают, отвечает твоя статья. Здесь я опять приведу тебе пример из нашей семейной жизни. Помнишь, лет пять тому назад Матрена и Палашка со слезами упрашивали мамашу, чтоб она отпустила их на волю; эти просьбы нередко слыхала, конечно, и Катя. Я живо помню, а ты, вероятно, еще живее, ту сцену, как Катя вся в слезах стала на колени перед мамашей и, задыхаясь, заговорила: «Матрена просится на волю, Палашка просится на

волю; мамашечка, душечка, отпусти и меня на волю». Помнишь, как мы расхохотались при этом, особенно ты; ты целую неделю не давал Кате покою твоими насмешками; а мамаша сама расплакалась и стала ласкать Катю. Теперь же ты должен хохотать над собою; в твоей статье высказывается такое же ребяческое желание, какое насмешило тебя у Кати. Она просилась на волю, потому что другие просят; ты хочешь обрусивать, потому что

другие онемечивают; у нее подражание и у тебя подражание. Но скажу тебе прямо, Катя в моих глазах гораздо выше тебя; она подражала факту, которому следовало подражать; она сочувствовала требованию добродушному, гуманному. Ты же, напротив, своим обрусиванием подражаешь факту недобродушному и злому; ты заявляешь требование, совершенно противоположное гуманному требованию Кати. Если бы ты знал, как выставленные тобою за образец эксперименты онемечивания болезненно действуют на тех, над которыми они производятся, ты бы понял, почему я твоё требование противоположаю требованию Кати и называю его недобродушным. Что, в самом деле, было бы хорошего в том, если бы все стало действовать так, как ты желаешь, если бы, напр., татары стали отатаривать, а калмыки — окалмычивать всех, кто попадет им под руку? Понимаешь ты теперь, в чём дело? Высказавши желание обрусивания, ты должен был показать, для чего оно нужно и к чему хорошему может повести; а ты просто ограничился ссылкой на других и потом начал жаловаться и плакаться на то, что у нас нет средств для обрусивания. Каждый может возразить тебе: да зачем и эти средства, когда не доказана и не нужна необходимость самого обрусивания? Но посмотрим на твои жалобы. Ты говоришь: «Прежде чем обрусить других, русским следует обруситься самим, чтобы обрусить, надо быть русским, а русских — то между нами и нет. Есть ли у нас русские, спрашиваешь ты, кроме простого народа, лишённого всяких средств к образованию?» И отвечаешь, что нет; в доказательство указываешь на то, что русские в значительном количестве отправляются за границу и живут там, несмотря на то, что иностранцы выказывают к ним презрение. Своё доказательство ты заканчиваешь такой тирадой: «Ни презрение иностранцев, так

громогласно высказавшееся недавно устами принца Наполеона⁶⁰, Бонжана, Генесси и других, ни оскорбления, наносимые ежедневно и ежечасно русской, не только государственной, но и народной чести, всеми органами европейской публичности — ничто не вразумляет, ничто не возмущает наших заграничных русских, продолжающих тратить в пользу иноземцев наши русские деньги!» Чтобы увидеть, Ваничка, до какой степени логичны твои мысли, их следует только выразить кратко и ясно; тогда они получают такой вид; немцы онемечивают; следовательно, и русским нужно обрусивать; но русских у нас нет, кроме простого народа, потому что некоторые русские уезжают за границу, иноземцы выказывают презрение к ним, а они тратят русские деньги в пользу иноземцев. Согласись, брат, что логика у тебя неважная. Но это не беда; посмотрим, как ты силен в знании фактов. Как ты думаешь, кого больше — русских ли, живущих за границей, или иноземцев, живущих в России? Не правда ли, что немцев, например, у нас чрезвычайно много; однако заграничные немцы могут обходиться без них и, как ты говоришь, онемечивают других. Стало быть, и нам можно

было бы обойтись без заграничных русских и обрусивать кого следует; так или нет? Видишь, мой дружок, как ты запутался! Далее, ты говоришь в приведенной выше тираде, что «все органы европейской публичности наносят ежечасно оскорбления русской чести». Неправда; ты, значит, не знаешь дела; а я тебе скажу, что «Le Nord» не наносит, «Moniteur universel» не наносит, «Allgemeine Zeitung» не наносит, «Kreuzzeitung» не наносит, «Times» не

наносит, даже похваливает Россию; если «Morning Post» и говорит иногда, что Россия не созрела и не способна к самоуправлению, то этого нельзя считать оскорблением; ты ведь сам разделяешь подобное убеждение и разделяют его некоторые русские философы. Стало быть, ты соврал, сказавши, что все органы наносят оскорбление нашей чести. В той же тираде ты говоришь, что презрение иностранцев к русским высказывается, между прочим, устами принца Наполеона. Скажи, пожалуйста, откуда ты почерпнул такое сведение? Я внимательно прочитываю все наши газеты и нигде не встречал подобного сведения; знаю я и то, что вещали уста принца Наполеона; но в его вещаниях, правда задорных, — ведь нельзя же французу обойтись без задора, — нет презрения к русским, уверяю тебя; для него русские, собственно как русские, вещь безразличная. Другие иноземные господа, может быть, действительно презирают русских; но из этого все-таки не следует, что русские не должны жить за границей, если им нужно там жить. Ведь вот же твоя мамаша жила два года за границей, лечилась; а сколько твоих товарищей отправлено за границу учиться; зачем же ты коришь их пребыванием за границей? Я кончил разбор твоей статьи; сделаю в заключение одно замечание. Что ты так близко принимаешь к сердцу русскую честь, не народную честь, а вообще всякую честь, все, что ты видишь у себя перед глазами? Ты, кажется, забрал себе в голову, что ты должен быть адвокатом всего русского, особенно того, на что нападают органы европейской публичности. Знай, мой дружок, что для этого у нас есть нарочитые органы русской публичности, вроде «Московских ведомостей» и «Нашего времени»⁶¹; их должность и назначение в том и состоит, чтобы защищать то, что они обязались защищать; их защита и их усилия понятны. Ты же из-за чего хлопчешь? Или и тебя соблазняют почести и выгоды

защитника? Нет, я ожидал от тебя, что ты будешь не адвокатом, односторонне смотрящим на дело и защищающим одну сторону во что бы то ни стало, а беспристрастным судьей, воздающим всем должное. Твое прошлое рыцарское браво, твоё стремление к прогрессу на всех парусах⁶² подкрепляли во мне такую надежду на тебя. Смотри же, Иван, оправдай мою надежду. Если же ты пойдешь по пути указанных органов русской публичности, соблазнишься славой Каткова, Щербальского, Н. Павлова и т. п., ты, конечно, волен сделать и это — но тогда нет тебе моего родительского благословения навеки нерушимого и я назову тебя Хамом. Не подумай, что я сбиваю тебя на крайности; нет, я сам держусь умеренного образа мыслей; но знай, Ванюшка, что умеренность не есть адвокатство и защита во что бы то ни стало. Благо тебе будет, если ты примешь к сведению замечание любящего тебя отца С.

P. S. Мамаша благословляет тебя и целует «моего горячего патриота», как она называет тебя по выслушании твоей статьи.

286

ПИСЬМО ТРЕТЬЕ

Милый мой Ванюшечка!

Я в восторге; я не помню себя от радости; я готов прыгать, как ребенок; и никогда не испытывал такого удовольствия, какое испытываю в настоящую минуту! Я спешу поделиться им и с тобою, мой сын. Испытывал ли ты когда-нибудь то высокое отрадное чувство, которое охватывает мыслящего человека, когда ему удастся сделать какое-нибудь хоть неважное, хоть теоретическое открытие, когда его внезапно озарит какая-нибудь новая

светлая мысль? А я именно теперь наслаждаюсь присутствием во мне этого чувства. Я открыл факт или, вернее сказать, осмыслил факт, который, если только он подтвердится, низвергнет в прах все, пойми ты, все! теории наших философских противников, материалистов. Этот громадный факт своим значением заинтересует тебя больше всех; поэтому я тебе первому и говорю о нем. Мне приятно не столько то, что осмысленный мною факт поразит наших противников, сколько то, что он нам самим поможет уяснить истину. Факт этот сообщен Ждановым в «Северной пчеле», № 81. Сердечно благодарю — благодари и ты — Жданова за сообщение, возблагодарим вместе и «Северную пчелу» за напечатание сообщения; благодари и меня — я имею на это право и смело могу гордиться тем, что я, может быть один в целой России, обратил внимание на сообщенный факт и умел понять его значение. Вот он:

«Сев. пчел.», № 81. К издателю «Северной пчелы». Несколько лет тому назад мы квартировали в доме г-жи Б-ловой, которая держала, в числе разной домашней птицы, и голландских кур. Заметив, что некоторые из этих кур снесли яйца 25-го марта, мы вспомнили поверье, что в сказанный день ни одна птица гнезда не вьет. Не предаваясь никогда фанатизму как плохому руководителю в явлениях общественной жизни (видишь, какая рациональность), мы и здесь не подчинились ему, а решились анализировать факты (видишь, ученый прием), чтобы хотя и относительно, но поверить существование пословицы. Из снесенных яиц мы взяли два, заметили их, и когда кур посадили на яйца для вывода цыплят, то подложены были эти два яйца, но из них дало цыпленка с неправильной головой и кривошею, другое оказалось болтуном. На следующий год, 25-го марта, из всех голландских кур только одна положила яйцо: мы также его прибрали, заметили и опять подвергли опыту.

Цыпленок вывелся положительно калека, кривоногий и слабкрылый, ходил мало, больше сидел или полулежал... Быть может оба эти явления суть игра прихотливой и капризной в своей деятельности природы, но тем не менее они, эти явления, фактически достоверны (заметь хорошо). По временам разговаривая с некоторыми помещицами–домоводками и с приезжими крестьянами Виленской губернии о сказанных наблюдениях, мы получили от них ответ, что не только яйца, снесенные дворовой птицей 25–го марта, класть в гнезда, но и птиц сажать в этот день не должно; что от яиц, снесенных в означенное время, действительно выводятся дети, негодные ни на племя, ни на продажу, и что подобные яйца всегда откладываются прочь, употребляются в пищу или вместе с другими продаются. Почему бы кому–нибудь из лиц, имеющих возможность производить поверку заявленных нами фактов, не сделать дальнейших опытов? Весьма любопытно было бы узнать,

287

существует ли на самом деле то нарушение естественных законов природы относительно процесса зарождения птиц в тот день, о котором мы говорим?

И. И. Жданов

Читая это сообщение, ты, может быть, улыбался и подумал, что твой отец спятил с ума, задумавши доказывать свои философские теории куриными яйцами и цыплятами. Не беспокойся, дружок, я в здравом уме; он у меня в настоящую минуту, может быть, здравее, чем у тебя. Ты, вероятно, не знаешь, а я знаю, чего добиваются наши противники и где они ищут неопровержимого доказательства своих теорий. Они тоже начинают с

куриного яйца, в котором, как ты знаешь, есть белок; все свои усилия, все эксперименты они обращают на то, чтобы искусственным образом из неорганических веществ составить такой же белок, какой есть в яйце. Если им удастся это сделать, говорят они, то они в этом искусственном белке будут иметь непоколебимое математическое доказательство верности их философских теорий. И это правда, я с ними согласен; своим белком они нанесут нам смертельный удар. Но не унывай, мой сын! если подтвердится факт, сообщенный Ждановым, то и мы в нем будем иметь непоколебимое математическое доказательство верности наших теорий. И это верно, с этим непременно согласятся и наши противники; и урод цыпленок будет для них смертельным ударом. Вот видишь, какое важное, всеобъемлющее значение имеет куриное яйцо; от него зависит судьба двух философских учений; оно держит весы наших теорий: в нем заключается — «быть, или не быть?»⁶³ для нас и наших противников. Надеюсь, ты теперь поймешь мою радость и восторг при чтении сообщения Жданова; я думаю, что восторжествовало наше учение, весы склонились на нашу сторону и на нашу долю досталось «быть». Я признаю факт, сообщенный Ждановым, несомненным; хотя сам Жданов желает проверки факта, но я считаю проверку излишнею. Во-первых, Жданов производил свои опыты научным образом, с анализом и в течение двух лет; во-вторых, наблюдаемые им факты подтвердили «помещицы-домоводки» и «приезжие крестьяне из Виленской губернии». Я знаю, что показаниям последних ты не захочешь поверить, так как они живут в западном крае, который еще не совсем обрусился; но ты не имеешь никакого основания не верить помещицам-домоводкам и Жданову, который говорит, что явления, описанные им, «фактически достоверны». И я признаю их достоверность

и потому объясню тебе значение этих явлений. Ты знаешь, наши противники тщеславятся знанием законов природы и говорят, что эти законы неизменны и непреложны, что все совершается по действию законов и нет ничего в мире, что могло бы остановить или видоизменить их действие; что всякое явление совершается тогда, когда есть естественные условия для него, и коль скоро есть эти условия, ничто не может остановить явления. Эти положения наши противники суют нам в глаза при всяком случае. Итак, мой друг, когда ты увидишь или услышишь quasi-философа, проповедующего эти положения, ты покажи ему яйцо и скажи: вот свежее, нормальное яйцо, в нем нет ни малейшего органического недостатка, вот и курица, которая будет правильно насиживать яйцо, вот все естественные условия для действия

288

законов природы, для произведения здорового цыпленка, — и потом спроси: выведется ли цыпленок при этих условиях? Твой противник, конечно, ответит, что выведется, и потом засыпет тебя фразами, что законы природы неизменны, что естественные условия и причины явления непременно произведут явление и т. д. Тогда ты его останови и скажи торжественно: врешь ты, дурак; если я положу яйцо под курицу 25 марта, то из него не выведется цыпленок при всех твоих естественных условиях и законах; 25 марта низвергнет в прах и посрамит все твои естественные законы; если же они станут сопротивляться и захотят во что бы то ни стало произвести цыпленка, то их сопротивление не удастся, и цыпленок выйдет калека, кривоногий или кривошея. Отчего не выведется цыпленок, завопит твой противник,

отчего же он будет калекой при всех нормальных условиях, какое влияние тут может иметь тот или другой день? Но ты не слушай его и на теории отвечай фактом; да, не выведется или будет калекой, и не от чего другого, а именно от известного дня, в который «существует нарушение естественных законов природы относительно зарождения птиц», как свидетельствует Жданов. Затем ты уже рази своего противника прямо в сердце и докажи ему нашим великим фактом, что пресловутая непреложность естественных законов если и не есть совершенный вздор, то оказывается вздором в опытах Жданова, что законы иногда не действуют и естественные причины не производят действий. Конечно, все это обнаружилось только в одном случае с куриными яйцами, но и одного случая достаточно для доказательства; что было в одном случае, то может встретиться и в других; ведь сами же наши противники очень восхваляют индуктивные умозаключения. Да, Ваничка, значение Ждановского факта громадно: я покажу тебе еще одну сторону его, выгодную для нас. Наши противники большие охотники отрицать то, чего они не понимают, что несообразно с их мнимо непреложными естественными законами; если же расскажешь им очевидный факт, действительно несообразный с их законами, то они объясняют его по-своему, с разными уловками и натяжками. Теперь нам представляется отличный случай посмеяться над этой слабостью наших противников. Ты спросишь сначала — а что, мол, как вы думаете, имеет ли 25-е марта влияние на процесс зарождения птиц? Они, не задумавшись, даже с усмешкой и гордостью станут отрицать такое влияние как несообразное с законами природы. Тут-то вот ты и представь им факт и опыт Жданова, и ты увидишь, в какое замешательство они придут сначала; затем начнут увертываться и придумывать свои объяснения для

фактов. Здесь уж ты можешь потешаться над ними сколько угодно и разбивать в пух все их объяснения. Они могут сказать, что в указанный день бывает какая-нибудь особенная температура, препятствующая зарождению цыпленка; ты отвечай им, что в разные годы температура этого дня бывает различна, а между тем день производит одинаковое влияние на яйца, значит это влияние зависит не от температуры; кроме того в предшествующие и последующие дни температура бывает такая, как и 25 марта, однако же дни эти не действуют на яйца. Затем ты просто можешь закидать противников вопросами: яйца ли знают о том, в какой день их кладут под курицу, или сама курица знает это? если последнее, то каким образом курица знает, что известный день 25-е марта, и сообразно с этим неправильно насиживает яйцо? и откуда

289

она узнает это, из календаря что ли? (тут ты можешь поставить остроумную шпильку противникам, пользуясь тем, что они смешивают человека с животным) должно быть из календаря; ведь по-вашему курица то же, что и человек, значит и она, подобно ему, может читать календарь? Затем ты можешь сделать вопрос еще остроумнее: по какому же стилю курица считает числа, по старому или по новому? Таким образом, при известной ловкости, ты можешь посрамить все объяснения противников, довести их до того, что они сами сознаются в невозможности объяснить их теориями наш факт, противоречащий их теориям. Затем уж нечего и толковать о том, что должно уступать, — факт ли теории или теория факту; и противники наши поражены. Их убило 25-е марта; их убило то, что яйца, положенные под курицу в

ЭТОТ день, не дают цыплят или дают калек. А вот что, брат, последний вопрос, предложенный мною в шутку, навел меня на серьезную мысль; в самом деле, как Жданов производит свои опыты, по старому или по новому стилю? Это нужно узнать; ну так мы с тобой на следующий год, если будем живы, повторим его опыты в громадных размерах и притом по старому и по новому стилю. Если окажется, что явление, открытое Ждановым, совершается по старому стилю, тогда ты не можешь себе представить, как это будет важно даже для твоей теории обрусивания; тогда самые явления природы подтвердят верность и естественность нашего русского стиля.

Ну, скажи на милость, воображал ты, что такой, по-видимому, ничтожный факт, как насиживание яиц, имеет такое громадное всеобъемлющее значение; он подтверждает не только философские, но и другие твои любимые теории. Преклонись же с благоговением пред этим фактом и благодари меня за объяснение; видишь, и отцы могут кое-что делать и развивать порядочные мысли; бросьте вы, дети, свою спесь пред нами, отцами. Это, впрочем, не относится к тебе лично; ты всегда относился с уважением ко мне. Прощай; будь здоров; напиши же мне, согласен ли ты с содержанием настоящего моего письма. — Твой отец С.